

морали, преступлениях, хотя в распоряжении этой санкции по статьям в большинстве списков памятника есть много позднейших искажений. Вполне возможно, что в лице этой системы наказаний мы вновь имеем дело с попыткой применить юридические нормы византийской Эклоги. Ведь за похищение светской девушки и ее обещание Эклога карает отрезанием носа и изгнанием сообщников (XVII, 24), отрезанием носа карается и изнасилование (XVII, 30, 31) и т.п. Возможно, что санкции Эклоги имеются в виду в статье 8 Устава Ярослава о блудящем муже (19 XVII титула предусматривает наказание в 12 «смен» ударов), в статье 16 Устава Ярослава о двоеженце, где повторное преступление влечет санкцию: «казнию казнить его» (в 35 XVII титула за это следует наказание плетью и изгнание второй жены) и т. д.

Использование Эклоги при применении Устава Ярослава столь же логично, сколь логично и применение епитимийных наказаний по Номоканону XIV титулов без толкований. Заметим, однако, что использование санкций Эклоги в Уставе Ярослава проведено эпизодически и весьма гибко и осторожно — лишь как один из возможных вариантов наказания.

Опубл.: ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ.

К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999.

С. 129–142.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО УСТАВА ВЛАДИМИРА

В недавней статье автора этих строк о неизвестной до сих пор судебной реформе киевского князя Владимира Святославича речь шла о том, что в период крещения Руси в стране было введено в практику византийское уголовное судопроизводство на основе установлений свода законов конца первой трети VIII в. известного как Эклога (точнее, более поздний вариант — *Ecloga privata*)¹. Для этого был создан полный древнерусский перевод свода, древнейший список которого сохранился от третьей четверти XIV столетия². В конечном счете, эта реформа была обречена на неудачу, ибо важнейшую роль в языческом Древнерусском государстве играли доходы казны от судебных вир и продаж.

В какой форме был реализован отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Но после него довольно продолжительное время, видимо, царила ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия и произвола в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей. В целях преодоления этой юридической нестабильности, вероятнее всего, и была создана Правда Ярослава.

Вместе с тем возникает вопрос: а почему в Правде Ярослава «рассставание с прошлым» отражено лишь в статье о реставрации кровной мести с одновременным резким ограничением лиц, имевших право на мщение, и введением вирных платежей при отсутствии мстителей, а также платежей для ряда лиц, особо выделенных по этому случаю? При этом судьба остальных норм XVII титула Эклоги неизвестна.

В порядке предположения можно думать, что Владимир Святославич в действительности отказался не от всех нормативов уголовного права XVII титула Эклоги, создав вышеупомянутую неопределенность.

Косвенным свидетельством реальности этой неопределенности, на наш взгляд, служит церковный Устав Владимира. Текст его сложен и содержит как древнейшие блоки установлений, так и позднейшие наслоения. Я. Н. Шапов считает ближайшим к архетипу текст Архан-

¹ См.: Миров Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / *Ius Antiquum*. 1996. № 1 [см. также настоящее издание, с. 125–152 — примеч. ред.].

² Миров Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79–110 — примеч. ред.].

гельского извода Оленинской редакции³. Опираясь на этот текст, мы можем отметить главное: перечень преступлений, дела по которым Владимир отдавал под юрисдикцию церковных судов, в Уставе не сопровождается указаниями конкретных санкций. Если полагать, что этот блок является древнейшим в сложной композиции Устава, то объяснение этому может быть лишь одно: санкции по ним давали статьи XVII титула Эклоги, которые еще действовали.

Десятинная церковь была освящена в 996 г. Не исключено, что тогда же («летом многымъ минувшемъ» после крещения Руси) ей была дана и десятина «по всей земле Русей» (в том числе от княжеского суда), дана прерогатива церковным судам по определенным категориям дел и определена исключительная церковная подсудность так называемых церковных людей. Следовательно, вероятность того, что в этот момент Владимир отказался, хотя бы частично, от своей судебной реформы, вводившей нормы византийского уголовного законодательства, очень велика (все сходится!). Частичность этого отступления подтверждается тем, что вводимый церковный Устав по линии санкции по разбираемым им делам, видимо, опирался на Эклогу. Во всяком случае, сам перечень преступлений в Уставе Владимира наиболее полное отражение имеет именно в статьях Эклоги⁴.

Перечень преступлений в уставе Владимира	Статьи Эклоги, совпадающие по тематике с уставом Владимира
1. «Роспусы»	1. Титул II, ст. 14, 15
2. «Смильное»	2. Титул XVII, ст. 19, 20
3. «Заставание»	3. Те же статьи по сути дела
4. «Умыкание»	4. Титул XVII, ст. 24, (но это не обрядовое похищение)
5. «Пошибание»	5. Титул XVII, ст. 24, 30
6. «Промежи мужем и женою о животе»	6. Титул XVII, ст. 9, 11
7. «О племени или сватовстве поимуться»	7. Титул XVII, ст. 33
8. «Ведовство»	8. Титул XVII, ст. 43
9. «Урекание»	9. Титул XVII, ст. 51 (клевета могла быть ложным обвинением в виде оскорбления)

³ Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 139–140. См. также: Древнерусские княжеские уставы XI–XVI в. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 12–84.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 139–140; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 44–73.

Перечень преступлений в уставе Владимира	Статьи Эклоги, совпадающие по тематике с уставом Владимира
10. «Узлы»	10. Титул XVII, ст. 44
11. «Зелье»	11. Титул XVII, ст. 42, 43
12. «Еретичество»	12. Титул XVII, ст. 52
13. «Зубоядение»	13. Нет соответствия
14. «Иже отца и мать бьют»	14. Нет соответствия (возможно сходство со ст. 13 титула VI)
15. «Или сын и дочери бьется»	15. Нет соответствия
16. «Иже истяжутся о заднице»	16. Титул XVI, ст. 1

В связи с этим стоит отметить еще одно обстоятельство. В подавляющем большинстве случаев преступления, названным в церковном Уставе Владимира, соответствуют строго определенные одна или две статьи в том или ином титуле Эклоги. Иначе говоря, практическая ситуация была бы, с точки зрения выбора иерейским судом санкции максимально упрощена и конкретна.

Итак, следуя предложенной логике, мы неизбежно приходим к предположению о том, что отмена санкций по нормам Эклоги (и это подтверждает летописная легенда 996 г. о борьбе Владимира с разбоями)⁵ касалась лишь дел об убийствах. Поэтому вполне возможно допустить, что первая статья Правды Ярослава была первоначально сформулирована еще Владимиром. В отношении преступлений, потенциально чреватых убийством, ситуация оставалась, вероятно, весьма неопределенной вплоть до появления Правды Ярослава.

В Пространной Русской Правде первая статья Правды Ярослава, как известно, дана лишь ради традиции, поскольку во второй, следующей за ней статье, четко сказано о том, что Ярославичи отменили кровную месть и оставили только «выкуп» кунами («и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»). Причем отмена эта была совершена на специальной, второй («паки совкупившеся сынови его») встрече (на первой, скорее всего, была утверждена Правда Ярославичей)⁶.

Опубл.: Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори: Сб. ст. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 244–246.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127.

⁶ Правда Русская. М.; Л., 1940. С. 104, 402.